

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: МЕЖДУ ОНТОЛОГИЧЕСКИМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ПОВОРОТАМИ

© И. В. Дёмин

Дёмин Илья Вячеславович

кандидат философских наук
доцент кафедры философии
Самарский государственный
аэрокосмический университет
им. С. П. Королёва
(г. Самара)
e-mail: ilyadem@rambler.ru

В статье выявляется значение лингвистического и онтологического поворотов для современной постметафизической философии истории. Обосновывается необходимость терминологического различения между «лингвистическим поворотом» и «поворотом к языку» в контексте современной философии истории.

Ключевые слова: философия истории, постметафизическая философия, критика метафизики, лингвистический поворот, нарративный поворот, онтологический поворот, историчность.

Современная философия истории позиционирует себя как *постметафизическая*. Термины «постметафизическая философия» и «постметафизическое мышление», впервые введённые Ю. Хабермасом¹, в настоящее время уже прочно закрепились в дискурсе социально-гуманитарных наук. В русскоязычную философию и науку эти термины вошли после публикации коллективной монографии Е. Борисова, И. Инишева и В. Фурса «Практический поворот в постметафизической философии»².

Выражение «постметафизическая философия» не столько указывает на какое-то особое «направление» в философии истории, сколько фиксирует факт её дистанцирования от базовых презумпций метафизического мышления и метафизического способа философствования,

¹ *Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. Frankfurt/Main, 1988. 286 S.

² *Борисов Е., Инишев И., Фурс В.* Практический поворот в постметафизической философии. Т. 1. Вильнюс : ЕГУ, 2008. 212 с.

парадигмальным образом которого следует считать гегелевскую философию истории. Речь идёт, прежде всего, о дистанцировании от «метанарративов» и идеи «макроистории», под которой понимается *всемирная история* как «всемирно-исторический процесс». Однако *мотивы, основания* и сам *характер* этого дистанцирования в различных версиях постметафизической философии истории могут быть различными. Именно эти мотивы и основания в значительной степени определяют специфику тех или иных постметафизических концепций.

И. Инишев различает в контексте современного постметафизического мышления две стратегии преодоления и критики метафизики — *позитивную* и *негативную*³. Позитивная стратегия (или «содержательно ориентированная постметафизическая философия»⁴) нацелена на *более исходное* понимание и осмысление феноменов, нежели то, которое допускает горизонт метафизического мышления. Негативная же стратегия (или «формальная постметафизическая установка»⁵) направлена главным образом на «очищение» знания и социокультурного опыта от разного рода метафизических спекуляций и метанарративов. Инишев отмечает, что «различие негативной и позитивной стратегий является *сквозным* и парадигматическим для всей последующей истории контroversы “метафизическая философия – неметафизическое мышление”»⁶ (курсив Инишева. — *И. Д.*).

Негативная стратегия, истоки которой можно обнаружить ещё в эмпиризме Юма и позитивизме Конта, находит своё воплощение в различных направлениях аналитической философии, в структурализме и постструктурализме. Позитивная стратегия критики и преодоления метафизики реализуется в таких направлениях философии XX в., как феноменология и философская герменевтика.

Конститутивными факторами, определяющими контуры и проблемное поле современной постметафизической философии истории, выступают, с одной стороны, *онтологический поворот*, с другой стороны, *поворот к языку* (лингвистический поворот). Если значение лингвистического поворота для философии истории и теории историографии уже неоднократно отмечалось в исследовательской литературе⁷, то влияние онтологического поворота на историософскую рефлексию практически не изучено. В данной статье мы собираемся прояснить соотношение между лингвистическим и онтологическим поворотами в контексте современной постметафизической философии истории.

«Лингвистический поворот» является своего рода общим знаменателем всех основных концепций постметафизической философии истории. Однако

---

³ Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т. 1. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Кукарцева М. А. Современная философия истории США. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. 215 с.; Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. URL.: <http://xn--90agtjot8f.xn--p1ai/index.php/stati/80-sovremennye-perspektivy-filosofii-istorii-povorot-k-narrativu> (дата обращения: 11.03.2014).

в различных философских направлениях «лингвистический поворот» имеет, очевидно, разный смысл.

Термин «лингвистический поворот» (*«linguistic turn»*) вошёл в научный оборот и приобрёл широкую популярность среди философов после публикации в 1967 г. сборника с одноимённым названием под редакцией Р. Рорти⁸. В самом широком значении «лингвистический поворот» означает признание языка исходной и отправной точкой всякого философского вопрошания. К.-О. Апель, отмечая фундаментальное значение проблематики языка для всей неклассической философии XX в., писал: «Никогда, пожалуй, яснее, чем в XX в., не осознавали, что слово “язык” указывает на основную проблему науки и философии, а не просто, например, на один эмпирический предмет науки наряду с другими (внутримирными) предметами»⁹. В контексте постметафизической философии язык рассматривается в качестве предельного основания мышления и деятельности.

Лингвистический поворот означает не просто расширение проблемного поля философии за счёт включения в него вопросов, связанных с осмыслением сущности языка, но кардинальное изменение самого *типа* философской рефлексии. Лингвистический поворот является одним из важных индикаторов и факторов перехода от *классической* философии к *неклассической*, от «метафизики» к «постметафизике». Как отмечает В. В. Савчук, «лингвистический поворот подразумевает, что язык стал конституирующим условием сознания, опыта и познания, что случился переход *от мышления о языке к мышлению через язык*»¹⁰ (курсив Савчука. — *И. Д.*).

В области философско-исторического знания лингвистический поворот выражается в «повороте к нарративу» (или «нарративном повороте»). Выражения «лингвистическая философия истории» и «нарративная философия истории», поэтому, могут рассматриваться как синонимичные.

Термин «нарративный поворот» был введён М. Крейсвортом¹¹ для обозначения тенденции универсализации нарратива в социогуманитарных науках. В широком смысле слова «нарратив» означает тип дискурса, имеющего темпоральную структуру.

Нарративный поворот, конечно же, не является специфической особенностью историописания и философии истории. Как отмечает А. Борисенкова, «гуманитарные и социальные науки конца XX в., в широком диапазоне от литературоведения до психологии, очарованы феноменом нарратива»¹². Однако

---

⁸ The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. Chicago : University of Chicago Press, 1967. 416 p.

⁹ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М. : Логос, 2001. С. 237.

¹⁰ Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб. : Изд-во РХГА, 2013. С. 16.

¹¹ Kreisworth M. Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences // New Literary History. 1992. Vol. 23. № 3. P. 629—657.

¹² Борисенкова А. Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 329.

именно в сфере философско-исторического знания основные принципы нарративного подхода проявляются, пожалуй, наиболее ярко.

В. Н. Сыров справедливо усматривает в историческом нарративе не просто один из типов дискурса, но фундаментальную структуру и способ организации исторического опыта как такового. «Нарратив мы должны связывать не с характером объектов (событиями, к примеру), а со способом организации наших повествований о прошлом, или приданием ему, если угодно, трансцендентального статуса»¹³. Лингвистический поворот в историописании и философии истории фактически приобретает форму *поворота к нарративу*.

Ф.-Р. Анкерсмит, который (наряду с Х. Уайтом) по праву считается одним из родоначальников нарративной философии истории, отмечает, что философия XX в. по преимуществу имела дело с языком в модусе *высказывания* или *суждения*, тогда как вопросы, связанные с *повествованием*, практически не попадали в её поле зрения¹⁴.

Причину такого невнимания к проблематике повествования (или нарратива) Анкерсмит усматривает в методологическом предубеждении, свойственном философии языка XX столетия. Оно заключается в том, что повествование (нарратив) будто бы представляет собой простую сумму единичных высказываний. Истинное единичное высказывание рассматривалось как «простейший строительный блок в здании нашего знания о мире»¹⁵. Анкерсмит показывает, что это предположение является совершенно произвольным. Вопрос о природе нарратива, нарративного дискурса, не может быть сведён к вопросу об истинности единичного высказывания.

Сделанные Анкерсмитом замечания относительно недопустимости редукции теории историописания к эпистемологическому анализу единичного высказывания о прошлом, имеют принципиальный характер и позволяют обосновать нарративную философию истории как самостоятельный проект, не сводимый к философии языка (в том виде, в каком она предстаёт у классиков аналитической философии — Рассела, Витгенштейна, Куайна). Однако в целом нарративная философия истории остаётся ограниченной рамками наличного языка историописания. Эту ограниченность Анкерсмит пытается преодолеть в своих более поздних работах («Возвышенный исторический опыт»¹⁶).

Вопрос об экзистенциальных основаниях историописания в рамках нарративного подхода не может быть не только не решён, но даже и поставлен. «Исторический опыт» здесь неизбежно редуцируется к «опыту историографии», к наличной практике историописания. А между тем, интерес

---

¹³ Сыров В. Н. Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. М. : Водолей Publishers, 2006. С. 146.

¹⁴ Анкерсмит Ф.-Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. М. : Идея-Пресс, 2003. С. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А. А. Олейникова, И. В. Борисовой, Е. Э. Ляминой и др. М. : Европа, 2007. 612 с.

к историческому опыту, наряду с интересом к нарративу, является едва ли не определяющей тенденцией современной философии истории¹⁷.

К числу эпохальных «событий», предопределивших пути развития, перспективы и общие контуры неклассической философии XX в., наряду с лингвистическим (нарративным) поворотом, следует отнести также и поворот *онтологический*.

Онтологический поворот, начало которому было положено Н. Гартманом, как известно, стал реакцией на господствующее в первой четверти XX в. неокантианство с характерным для него «гносеологизмом», то есть редукцией философских проблем к проблемам познания¹⁸. Подлинное же возрождение онтологии в западноевропейской философии XX в. однозначно связывается исследователями с именем М. Хайдеггера.

Онтология у Хайдеггера перестаёт быть одной из философских дисциплин наряду с другими (гносеологией, аксиологией, философией истории), но становится синонимом философии как таковой. Бытие, согласно Хайдеггеру, есть подлинная и единственная тема философии. Однако онтологический поворот, отчётливо прослеживающийся во всех работах Хайдеггера, заключается не только в новом понимании философии и её проблемного поля. Хайдеггер стремится показать, что трактовка философии как онтологии вовсе не является его «нововведением», так как «все великие философии, начиная с античности, по сути понимали себя более или менее явно как онтологию и искали себя в качестве таковой»¹⁹.

С именем Хайдеггера связывают, однако, не только онтологический поворот, но и «поворот к языку». В этой связи особое значение приобретает вопрос о соотношении онтологического и лингвистического поворотов. Наш тезис заключается в том, что именно этот вопрос является главным водоразделом между позитивной и негативной стратегиями критики и преодоления метафизики.

Для аналитической и лингвистической философии характерно отождествление *онтологии с метафизикой*, изгнание метафизической/онтологической проблематики из круга вопросов философии истории. Лингвистический (или нарративный) поворот в философско-историческом знании оказывается неотделимым от критики/деструкции классической метафизики истории как таковой. Лингвистический поворот в контексте аналитической и нарративной философии истории принципиально *несовместим* с поворотом онтологическим, так как любая онтология априори полагается как онтология *метафизическая*.

---

¹⁷ Проблема соотношения исторического опыта и исторического нарратива активно обсуждается в современной немецкоязычной философии (см.: *Erfahrung und Geschichte: historische Sinnbildung im Pränarrativen* / Ed. by Th. Breyer and D. Creutz. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2010. 372 p. Сопоставление двух наиболее значимых для современной постметафизической философии концепций исторического опыта проводится в нашей статье: *Дёмин И. В. Сравнительный анализ трактовок исторического опыта у Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера // Философия и культура. 2014. № 3. С. 391–400.*

¹⁸ *Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 10.*

¹⁹ *Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Чернякова. СПб.: Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. С. 14.*

Более сложной, но в то же время и более *продуктивной* в области философии истории представляется позитивная стратегия критики мета-физики, реализующаяся в феноменологической и герменевтической философии. Её истоком также является «лингвистический поворот». Однако смысл этого «поворота» здесь принципиально иной, нежели в контексте аналитической философии и негативной стратегии критики метафизики в целом. Если в контексте аналитической философии лингвистический поворот связан по преимуществу с эпистемологической проблематикой, то в рамках герменевтической и феноменологической традиции лингвистический поворот оказывается связанным с онтологией в её новой — неклассической — артикуляции.

И. Инишев в этой связи различает философию языка в узком или собственном смысле слова (речь идёт, прежде всего, о философии логического анализа) и лингвистически ориентированную или «лингвистически инспирированную» философию. Последняя включает в себя не только аналитическую традицию, но также феноменологию и философскую герменевтику. Язык здесь — это «не только приоритетная тема и не только методологическое априори», но также и «среда, которая никогда не поддается тематизации в полной мере, поскольку это среда самого философствования»²⁰.

В этой связи целесообразно провести терминологическое различие между «лингвистическим поворотом» и «поворотом к языку». При всей условности такого различения оно помогает лучше понять специфику двух стратегий критики метафизики в современной философии истории. Термин «лингвистический поворот» целесообразно оставить за теми направлениями, в которых задача философии истории усматривается в анализе исторических нарративов, тогда как выражение «поворот к языку» имеет смысл использовать в тех случаях, когда философия истории не ограничивается лишь эпистемологическими и нарратологическими вопросами, но включает в себя также и герменевтический, онтологический и экзистенциальный аспекты. «Поворот к языку» здесь фактически сливается с *онтологическим* поворотом.

Рассмотрим в качестве примера такого совпадения («онтологического поворота» с «поворотом к языку») экзистенциальную аналитику историчности Dasein М. Хайдеггера.

Согласно Хайдеггеру, то или иное сущее может обнаруживать себя как *историческое* не иначе, как через свою *принадлежность* миру Dasein, которое *изначально*, то есть *в себе самом исторично* (*geschichtlich*). Историчность Dasein в «Бытии и времени» Хайдеггер определяет как «начальную» или «стихийную» историчностью (*elementare Geschichtlichkeit*)²¹. «Историчность» как фундаментальная характеристика бытия Dasein (экзистенции) означает, что это сущее не просто *пребывает* во времени-истории, но *сбывается* (*geschehen*).

В центре внимания Хайдеггера оказываются донаучные, дотеоретические формы темпорального человеческого бытия. К осмыслению феномена историч-

---

²⁰ Инишев И. Н. Комплементарность феноменологической и аналитической перспектив в контексте проблемы соотношения мира и языка // Ежегодник по феноменологической философии 2009/2010. М. : Изд-во РГГУ, 2010. С. 173.

²¹ Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2001. S. 20.

ности Хайдеггер приходит не через анализ исторических нарративов (то есть «истории историков»), но через феноменологическую экспликацию «бытийного устройства» (*Seinsverfassung*) Dasein. Фундаментальная структура историчности остаётся принципиально сокрытой не только для исторической науки, но и для традиционной (метафизической) философии истории²².

«Историчность», будучи исходной характеристикой человеческого существования, конституирует «историю» как *бытийный регион*, отличный от другого бытийного региона — «природы». В фундаментальной онтологии Хайдеггера «бытийный регион» (*Seinsregion*) и «предметная область» (*Themenbereich Wissenschaft*) той или иной научной дисциплины не являются тождественными понятиями. Бытийный регион представляет собой лишь *возможную* предметную область науки²³.

В герменевтической феноменологии Хайдеггера закладываются основания для переосмысления традиционных философских дисциплин (в том числе и философии истории) как *региональных онтологий*²⁴. Региональная онтология представляет собой феноменологию того или иного «бытийного региона» и предшествует не только частным позитивным наукам, но и методологии научного познания.

Должна ли философия истории как региональная онтология разрабатываться как *философия языка* (её «часть»)? В каком отношении находятся «философия истории» как *региональная онтология* и «философия языка»?

Если под «философией языка» понимать теорию исторического нарратива, то, очевидно, что хайдеггеровская экзистенциальная аналитика историчности Dasein философией языка не является. Язык, как отмечает И. Инишев, вообще не составляет специальной темы феноменологической герменевтики Хайдеггера. «Язык попадает в ее поле зрения лишь косвенно и опосредованно — как структурный компонент, или даже среда, изначального опыта мира»²⁵.

Фундаментальная онтология М. Хайдеггера не является «философией языка» в том смысле, который вкладывает в это понятие аналитическая традиция. Это, впрочем, не означает, что герменевтическая феноменология игнорирует «лингвистический поворот», если последний понимать в широком смысле — как «поворот к языку»²⁶.

---

²² Подробнее об этом: Дёмин И. В. Философия истории как региональная онтология. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2012. С. 70–89.

²³ См.: Дёмин И. В. Понятие «бытийный регион» в герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 7. С. 133–137.

²⁴ Дёмин И. В. Соотношение региональных онтологий и частных наук в горизонте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-1. С. 58–61.

²⁵ Инишев И. Н. Хайдеггер и философия языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 7/08. С. 73.

²⁶ См.: Дёмин И. В. Философия истории как философия языка: осмысление истории в горизонте герменевтической и аналитической традиций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6(26). С. 158–163.

«Поворот к языку» в горизонте герменевтической феноменологии означает, что язык эксплицируется в качестве исходного, нередуцируемого и, в определённом смысле, «всеобъемлющего», «вездесущего» феномена. Язык, говоря словами М. Мерло-Понти, «*всюду и нигде*»²⁷. Применительно к «историософской» проблематике это означает, что всякий опыт соотнесённости человека с историей, всякий опыт обращения к прошлому имеет языковую природу и укоренён в *языке*. Но этот язык не может быть сведён к языку историков, к языку историописания. «Историография» (и язык историографии) не является универсальным посредником между человеком и историей, это лишь *одна из форм*, в которой реализуется изначально принадлежащая истории «понятность» (*Verständlichkeit*) или «истолкованность».

В философских направлениях, представляющих негативную стратегию критики метафизики (структурализм, постструктурализм, аналитическая философия), философия истории сводится к философскому анализу языка, рассматривается как один из аспектов философии языка. Задача философии истории здесь по преимуществу заключается в анализе языка историописания. Философия истории как теория исторического нарратива имеет дело с наличной практикой историописания и не может выйти за её пределы. В контексте же позитивной стратегии соотношение философии истории и философии языка представляется более сложным. С одной стороны, признаётся, что язык является универсальной средой всякого опыта, в том числе и опыта истории (исторического опыта), но, с другой стороны, тот язык, который попадает в поле зрения философии истории, не исчерпывается языком историографии. Это также язык исторического романа, обыденного житейского рассказа, язык исторической публицистики и т. д. Исторический опыт — это опыт изначально и сущностно *языковой*, но он не может быть редуцирован к опыту *историографическому*.

Таким образом, в контексте позитивной и негативной стратегий критики метафизики по-разному решается вопрос о соотношении лингвистического и онтологического поворотов в области современной философии истории. В контексте негативной стратегии лингвистический поворот означает отказ от онтологической проблематики как таковой, в контексте же позитивной стратегии лингвистический поворот (в широком смысле — как *поворот к языку*), напротив, предполагает разработку философии истории как *региональной онтологии*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит, Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А. А. Олейникова, И. В. Борисовой, Е. Э. Ляминой и др. — М. : Европа, 2007. — 612 с.
2. Анкерсмит, Ф.-Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. — М. : Идея-Пресс, 2003. — 360 с.
3. Апель, К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. — М. : Логос, 2001. — 344 с.

---

²⁷ Мерло-Понти М. В защиту философии / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1996. С. 99—141.

4. *Борисенкова, А.* Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 103. — С. 327–332.
5. *Борисов Е., Инишев И., Фурс В.* Практический поворот в постметафизической философии. Т. 1. — Вильнюс : ЕГУ, 2008. — 212 с.
6. *Дёмин, И. В.* Понятие «бытийный регион» в герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 7. — С. 133–137.
7. *Дёмин, И. В.* Соотношение региональных онтологий и частных наук в горизонте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 4-1. — С. 58–61.
8. *Дёмин, И. В.* Сравнительный анализ трактовок исторического опыта у Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера // Философия и культура. — 2014. — № 3. — С. 391–400.
9. *Дёмин, И. В.* Философия истории как региональная онтология. — Самара : Самар. гуманит. акад., 2012. — 202 с.
10. *Дёмин, И. В.* Философия истории как философия языка: осмысление истории в горизонте герменевтической и аналитической традиций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2013. — № 6(26). — С. 158–163.
11. *Инишев, И. Н.* Комплементарность феноменологической и аналитической перспектив в контексте проблемы соотношения мира и языка // Ежегодник по феноменологической философии 2009/2010. — М. : Изд-во РГГУ, 2010. — С. 172–184.
12. *Инишев, И. Н.* Хайдеггер и философия языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 7/08. — С. 62–79.
13. *Кукарцева, М. А.* Современная философия истории США. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. — 215 с.
14. *Мерло-Понти, М.* В защиту философии / пер. с фр. И. С. Вдовиной. — М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1996. — 248 с.
15. *Савчук, В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности. — СПб. : Изд-во РХГА, 2013. — 338 с.
16. *Сыров, В. Н.* Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. — М. : Водолей Publishers, 2006. — 248 с.
17. *Сыров, В. Н.* Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. URL.: <http://xn--90agtfjot8f.xn--p1ai/index.php/stati/80-sovremennye-perspektivy-filosofii-istorii-povorot-k-narrativu> (дата обращения: 11.03.2014).
18. *Хайдеггер, М.* Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Чернякова. — СПб. : Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. — 446 с.
19. Erfahrung und Geschichte: historische Sinnbildung im Pränarrativen / Ed. by Th. Breyer and D. Creutz. — Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2010. — 372 p.
20. *Habermas, J.* Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. — Frankfurt/Main, 1988. — 286 S.
21. *Heidegger, M.* Sein und Zeit. — Tübingen, 2001. — 445 S.
22. *Kreisworth, M.* Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences // New Literary History. 1992. Vol. 23. № 3. — P. 629–657.
23. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. — Chicago : University of Chicago Press, 1967. — 416 p.